
Софья Захарова
Сектор Гамма. Эхо из прошлого

Софья Захарова

Сектор Гамма. Эхо из прошлого

«Автор»
2026

Захарова С. С.

Сектор Гамма. Эхо из прошлого / С. С. Захарова — «Автор», 2026

Арсений не разговаривает. Не потому, что не может — просто слова кажутся шумом. Всю жизнь он слышит голоса из стен, розеток и выключенного радио. Врачи называли это "богатым воображением", а мать перед смертью взяла с него клятву молчать.Всё меняется, когда старый радиотехник передает ему кассету с надписью: "Сектор Гамма. Не включай". Арсений нарушает запрет. Голос на пленке называет его по имени и напоминает о том, чего никогда не было. Или было?В 1986 году, в секретном бункере под городом, десятилетний мальчик Арсений Волков открыл дверь во времени. Дверь, из которой вышли "значкисты" — дети с пустыми белыми глазами. Дверь, которую он закрыл, но не до конца.Теперь Сектор активирован снова. Чтобы спасти застрявших детей и остановить Полковника — человека со шрамом и глазами цвета стали, — Арсению придется спуститься в прошлое. Но закрыть дверь снаружи невозможно. Ему придется войти внутрь. И остаться там навсегда.

© Захарова С. С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. 1986 год 5
Глава 1. Немой 7
Глава 2. Значкист 10
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Сектор Гамма. Эхо из прошлого

Пролог. 1986 год

Под нами сорок метров мокрого бетона, ржавой арматуры и тишины, которая давит на барабанные перепонки. Станции "Сектор Гамма" не существует. Её нет на картах закрытого города, о ней не пишут в газетах, и даже те, кто строил эти стены, думают, что внизу просто очередной склад гражданской обороны. Знают только те, кому положено. И те, кого сюда привели.

Я стою у пульта управления. Пальцы стынут на гладком, холодном пластике тумблеров, хотя в бункере душно — фильтры гоняют по вентиляции сухой, мертвый воздух. На экране передо мной — комната. Белые кафельные стены, режущий свет люминесцентных ламп, стол, два стула. В центре, сгорбившись, сидит мальчик. Лет десять, не больше. Школьная форма с залоснившимися на локтях рукавами, на груди — красный флажок октябрёнка. Он смотрит в одну точку, на трещину в штукатурке над дверью. Не моргает.

— Как он? — Мой голос звучит слишком громко в гудящей тишине операторской. Я не оборачиваюсь. — Стабилен, — отвечает техник. Его голос дрожит, в нем слишком много влаги. — Уровень помех в норме. Он держит канал. — Сколько? — Три месяца.

Три месяца. Дольше, чем остальные. Те сгорали за неделю, их мозги превращались в оплавленное стекло, а они всё шептали в пустоту. Этот мальчик — другой. Он не просто "слышащий", который ловит обрывки чужих разговоров из радиоточки. Он — ключ. Слой восьмидесятых, который мы случайно пробили во время калибровки эхолокатора, больше не был ошибкой. Он стал инструментом. А мальчишка — тем, кто этот инструмент сжимает в худом, бледном кулаке.

— Готовьте следующую фазу, — говорю я. — Нам нужно больше слышащих. Увеличивайте амплитуду. — Товарищ полковник... — техник сглатывает так громко, что я слышу это даже через гудение трансформатора. — Дети не выдерживают. Мы потеряли уже четверых. Мозговая активность падает до нуля, они просто... остывают. — Я знаю. — Я поворачиваюсь. Мои глаза отражают мертвенный свет экранов, и техник инстинктивно отводит взгляд, сутулясь еще сильнее. — Поэтому нам нужен тот, кто выдержит. Кто сможет держать канал без потерь. Этот мальчик — первый. Он не сломается.

На экране мальчик вдруг поднимает голову.

Он смотрит прямо в объектив.

И улыбается.

Улыбка не касается глаз. Она выглядит так, словно кто-то дернул за ниточки кукле нижнюю челюсть.

Я хмурюсь. — Что это? Он нас видит? — Не может быть. — Техник лихорадочно щелкает переключателями. — Камера односторонняя. Стекло с поляризационным напылением. Отражения ноль.

Мальчик открывает рот. Губы шевелятся беззвучно, но я читаю по ним, как по открытой книге, привыкший разбирать доклады часовых на расстоянии:

— Помеха.

Свет в комнате на экране мигает раз, другой. Длинные лампы гудят, натягиваясь до предела, как струна. Экран покрывается серой, мелкой рябью, а затем гаснет, оставляя меня в полумраке перед черной пустотой.

И в ту же секунду станция вздрагивает.

Не от удара — от чего-то другого. Глубокий, утробный гул проходит сквозь сорок метров бетона, сквозь свинцовые плиты перекрытий, сквозь мои кости, сквозь подошвы яловых боти-

нок. Вибрация поднимается по ногам, бьет в колени, отдается в зубах. Где-то в самом сердце "Сектора Гамма", в машинном зале, что-то открылось.

Из вентиляции потянуло холодом. Не тем, что дает сломанный кондиционер, а настоящим, могильным холодом. Пахнуло озоном, мокрой глиной и жженой изоляцией.

— Он открыл дверь, — шепчет техник. Его лицо белое, как кафель на стенах той комнаты. — Он открыл её сам.

Я смотрю на погасший экран. И впервые за много лет мне становится по-настоящему страшно. Не за погоны, не за проект, не за расстрельную статью за провал.

Мне становится страшно от того, что десятилетний ребенок только что посмотрел мне в глаза сквозь бетон и назвал меня тем, кто я есть.

Помехой.

Глава 1. Немой

Дождь в этом городе не прекращался никогда. Он то бил в окна старой общаги, как горсть гравия, то сползал по стеклу серой слизью, но не уходил. Как будто небо решило: хватит. И теперь будет только так.

Я стоял у окна своей комнаты, привалившись плечом к ледяному стеклу. За окном — серый двор, серые стены соседнего корпуса, серые люди, сгорбившиеся под зонтами. Мир потерял цвет где-то между моим рождением и этим вторником, и никто не заметил, когда именно. Я не разговаривал. Не потому что не мог — голосовые связки врачи проверяли, они в порядке. Просто слова казались лишними. Шумом. А шума в моей жизни и так хватало.

Голоса.

Я слышал их с детства. Сначала думал, что это нормально. Что все слышат шёпот из розеток, обрывки фраз из выключенного радио, чьи-то шаги на пустом этаже. Потом понял, что нет. Не все. Только я.

Мать водила меня по врачам. Неврологи, психиатры, потом какая-то бабка с воском. Все говорили разное. Одни ставили диагнозы, другие разводили руками. Мать слушала, кивала, платила. А потом перестала. Просто сказала однажды, стягивая с меня шарф в коридоре поликлиники: "Не говори об этом никому. Никогда". И я не говорил. Потом мать умерла. Мне было четырнадцать. С тех пор я жил один — в комнате 214 музыкального училища, где учился играть на гитаре. Гитара была единственным способом заставить их заткнуться. Когда я играл, они стихали. Слушали. Замолкали, как свора собак перед выстрелом.

Я отошёл от окна, взял гитару — старую, с потёртым грифом, подарок матери — и сел на продавленную кровать. Пальцы легли на струны сами собой. Я не учил эту мелодию, она просто жила под кожей. Аккорд. Второй.

Шёпот за стеной стих.

Я закрыл глаза. В такие моменты мне казалось, что я не один. Что кто-то слушает. Не люди — они не слышали. Что-то другое. То, что жило в стенах, в проводах, в старых кассетах. Оно ждало.

Я доиграл до последнего дребезжащего аккорда и открыл глаза.

В коридоре кто-то шёл.

Медленные, тяжёлые шаги. Я знал этот звук — так ходили все в общаге, когда боялись провалиться сквозь гнилые доски пола. Но сейчас было поздно, почти полночь. Комендантша ушла домой, студенты сидели по норам.

Шаги остановились у моей двери.

Я замер. Я слышал дыхание. Не человеческое. Слишком ровное, слишком тихое. Словно кто-то стоял и ждал, пока я опущу руку от струн.

Я не стал открывать. Просто сидел и слушал. Через минуту шаги продолжились — дальше по коридору. Стихли.

Я выдохнул. Облачко пара сорвалось с губ. Обычное дело. Сосед. Пьяный. Заблудился. Бывает.

Я лёг, не раздеваясь, прямо поверх колючего шерстяного одеяла, и закрыл глаза. Голоса в голове шептали что-то неразборчивое, но я привык. Это был фон. Как шум дождя. Как гул трансформатора в подвале.

Уснул я быстро, а утром меня разбудил Вова.

Вова не умел стучать тихо. Он вообще ничего не умел тихо. Он ввалился в комнату, громко топая, с криком "Слышь, Немой, ты живой?" и запахом мокрой джинсовой куртки, въевшимся в его кожу. Я сел на кровати, протёр глаза. Вова стоял посреди комнаты, улыбаясь

во все тридцать два зуба, и выглядел так, будто только что выиграл в лотерею или сперел что-то ценное.

— Ты чё такой смурной? — спросил он, сбивая невидимую пылинку с моей подушки. — Опять всю ночь на гитаре бренькал? Пальцы-то не отвалятся?

Я кивнул. Врать Вове было легко — он не задавал лишних вопросов. Или делал вид, что не задаёт. Иногда я думал, что он знает больше, чем показывает. Но он никогда не лез мне в душу. За это я его и терпел.

— Ну ты даёшь, — Вова плюхнулся на стул, который жалобно скрипнул старыми пружинами. — Я тебе чё принёс. Смотри.

Он достал из внутреннего кармана куртки помятую кассету. Без коробки, с наклейкой, на которой было написано от руки синим маркером: "Стена. Концерт. 1990".

— У старухи на рынке выменял. За три рубля. Представляешь? Три рубля за такое! Там запись с концерта, который вообще не сохранился. Говорят, это последний концерт перед тем, как они распались.

Я взял кассету. Пластик был холодным, почти ледяным. Повертел в руках. Наклейка была старой, выцветшей, но надпись читалась. "Стена". Группа, которую я слушал в детстве. Мать включала их кассеты на старом магнитофоне "Весна", пока жарила на кухне картошку. Запах жареного лука, дождь за окном, её голос, подпевающий тихо, почти шёпотом...

— Спасибо, — сказал я тихо. Горло после вчерашней игры всё ещё саднило.

Вовка просиял. Он всегда так делал, когда я говорил. Словно каждое слово было подарком, который он не ожидал получить.

— Я знал, что тебе понравится! — Он хлопнул меня по плечу так, что я чуть не упал с кровати. — Ладно, у меня ещё дела. Увидимся вечером. Ты только это... не кисни. Дождь — не повод топиться.

Он ушёл, громко хлопнув дверью. Замок щелкнул. Я остался один.

Я посмотрел на кассету. Потом на старый плеер, что лежал на тумбочке — тот самый, что остался от матери, с треснувшим стеклом на дисплее.

Вставил кассету.

Надел наушники. Дешёвые, поролоновые, от которых чесались уши.

Нажал на play.

Сначала ничего. Потом шорох. Плёнка крутилась. Потом голос. Не музыка. Мужской голос, спокойный, ровный, с лёгким металлическим дребезжанием, как из старого репродуктора:

— Сектор Гамма. Слой восемьдесят шесть. Точка входа активирована. Слышащий — найден.

Я замер.

Голос был не из записи. Он звучал прямо в голове. Громко, чётко, стерео, как будто кто-то сидел внутри моих наушников и дышал мне в ухо. Я сорвал их так резко, что поролон треснул. Сердце колотилось где-то в горле. В комнате никого не было. Только дождь стучал по стеклу. Кап. Кап. Кап.

Я посмотрел на кассету. На наклейке, поверх "Стена. Концерт. 1990", проступили новые буквы. Словно кто-то написал их только что, раскалённой иглой, изнутри плёнки:

"Сектор Гамма. Не включай".

Я снова посмотрел на плеер. Потом на кассету. Потом на дверь.

В коридоре снова раздались шаги. Медленные, тяжёлые. Тот самый ритм, что был ночью.

И на этот раз они не прошли мимо.

Они остановились.

Прямо у моей двери.

Я сидел на кровати, сжимая в руке холодный плеер, и смотрел на латунную ручку. Она не двигалась. Но я знал — там кто-то есть.

Оно просто стояло и слушало, как я дышу.

Глава 2. Значкист

Шаги в коридоре постояли еще с минуту. Я считал их в голове, как пульс. Раз. Два. Три. На сорок втором ударе сердца звук двинулся дальше. Скрипнула половица в сторону лестницы. Тишина.

Оно ушло. Или сделало вид, что ушло.

Я сидел на кровати, сжимая в руке плеер. Металл обжигал холодом ладони. Шёпот, который я заглушал гитарой всю ночь, вернулся. Но теперь он не прятался в стенах. Он сидел прямо напротив меня, на стуле, где только что был Вова, и дышал мне в лицо запахом озона и мокрой пыли.

Дверь распахнулась. Вова ввалился в комнату, как медведь в берлогу. В руках — пакет из "Продуктов", из которого торчало зеленое горлышко бутылки кефира.

— Слышь, Немой! Ты живой?

Живой. Наверное. Я не был уверен. После того, как кассета заговорила со мной человеческим голосом, я уже ни в чем не был уверен. Может, я лежу сейчас в палате с мягкими стенами, а Вова — это просто медсестра с плохим макияжем. Он бросил пакет на стол, из которого тут же выкатилось сморщенное яблоко, и уставился на меня. Его уши — я это заметил только сейчас — были красными, как у вареного рака.

— Ты чё такой смурной? Опять всю ночь на гитаре душу вынимал? — Он пнул ножку моей кровати. — У меня от твоего "до-мажора" уже глаз дергается.

Я кивнул.

— Ну ты даёшь, — Вова плюхнулся на стул, который жалобно скрипнул. — Я тебе чё принёс. Смотри.

Он снова достал из кармана куртки ту самую кассету. Помятую, без коробки, с наклейкой "Стена. Концерт. 1990". Я взял её. Пальцы чуть дрогнули. Наклейка была старой, выцветшей. "Стена" — группа, которую слушала мать. Я помнил, как она включала их на старом "Весне", пока готовила на кухне. Запах жареной картошки, дождь за окном, её голос, подпевающий тихо, почти шёпотом.

— У старухи на рынке выменял, — сказал Вова, не замечая, как я побледнел. — За три рубля. Представляешь? Три рубля за такое! Там запись с концерта, который вообще не сохранился. Говорят, это последний концерт перед тем, как они распались.

Я кивнул. Спасибо, Вова. Ты не знаешь, что принёс. Ты думаешь, это музыка. А это ключ. От той двери, что стучит в моей голове. Я не сказал этого вслух. Не потому что не хотел — просто не знал, как объяснить. "Моя кассета со мной разговаривает" звучало как начало истории, которую рассказывают в палате с мягкими стенами. А я уже был там. Один раз. Мать водила. Врач в белом халате сказал: "Мальчик, у тебя богатое воображение, попейте валерьянки". Мать плакала в машине, размазывая тушь по щекам. Я больше не хотел туда.

— Спасибо, — сказал я. Голос сел, вышел хриплым, чужим.

Вовка просиял. Он всегда так делал, когда я говорил. Словно каждое слово было подарком.

— Я знал, что тебе понравится! — Он хлопнул меня по плечу. — Ладно, у меня ещё дела. Увидимся вечером. Ты только это... не кисни. Дождь — не повод вешаться.

Он ушел. Дверь хлопнула, отрезая меня от его громкого, теплого, нормального мира.

Я остался один.

Я посмотрел на кассету. Потом на плеер. Потом снова на кассету. На наклейке — "Стена. Концерт. 1990". Ничего необычного. Старая запись, которую Вова купил за три рубля.

Я вставил кассету в плеер. Надел наушники. Поролон пах чужим потом и пылью.

Нажал на play.

Сначала ничего. Потом шорох. Потом голос. Тот же мужской, спокойный, ровный, с металлическим дребезгом: — Сектор Гамма. Слой восемьдесят шесть. Точка входа активирована. Слышащий — найден.

Я сорвал наушники. Сердце колотилось о ребра. В комнате никого не было. Только дождь стучал по стеклу. Я снова посмотрел на кассету. На наклейке, поверх "Стена. Концерт. 1990", проступили новые буквы. Те же самые. Черные, острые: "Сектор Гамма. Не включай".

Я не верил в чудеса. Не верил в призраков. Я верил в голоса. Но это было другое. Голоса в стенах — это фон. А это было послание.

В коридоре снова раздались шаги.

Медленные. Тяжелые.

Шаги остановились у моей двери.

Я замер. Я слышал дыхание. Не человека. Слишком ровное. Слишком тихое. Словно кто-то стоял и ждал. Я не стал открывать. Просто сидел и смотрел на латунную ручку. Через минуту шаги продолжились — дальше по коридору. Стихли.

Я выдохнул. Обычное дело. Сосед. Пьяный. Бывает.

Но что-то внутри меня не верило в это. Что-то внутри меня знало: это не сосед. Соседи дышат паром и пахнут табаком. Это пахло озоном.

Я просидел так до утра.

Вова ввалился в комнату около десяти утра. Громкий, румяный, пахнущий улицей. — Слышь, Немой! Я думал, ты сдох! — Он потряс меня за плечо. — Ты чего сидишь в темноте? У тебя всё спёрли?

— Она не была закрыта, — сказал я.

— Ну ты даёшь. — Вова плюхнулся на стул. — Я пожрать принес. Будешь? — Он достал из пакета два холодных пирожка с картошкой.

Я покачал головой.

— Вчера... — начал я. Горло перехватило. — Когда ты ушел.

— Чё вчера? — Вова перестал жевать. Его уши дернулись. — Кто-то стоял у двери.

Вова моргнул. Улыбка сползла с его лица. — В смысле? Комендантша? — Нет. Оно просто стояло. Дышало.

Вова медленно положил пирожок на стол. — Немой, — сказал он тихо. — Ты опять таблетки не пил?

— Я не сумасшедший, Вов.

— Я не говорил, что ты сумасшедший. — Он встал, подошел ко мне. — Слушай. Давай так. Ты жрешь этот пирожок. Потом мы идем в душ. Потом в парк. Как нормальные люди.

— Я не нормальный, — сказал я.

— Я знаю, — он хлопнул меня по плечу. — Поэтому с тобой и вожусь. — Он попытался улыбнуться. — Давай, Немой. Вставай.

Он заставил меня поесть. Вода в душе воняла хлоркой. Но когда мы вышли на улицу, под холодный дождь, мне стало легче. Голоса стихли.

Мы сидели на мокрой скамейке в парке. Вова курил. Я смотрел на серую воду.

— Ты как? — спросил он. — Нормально. — Врёшь.

Я не ответил. — Я слышал его, — сказал я. — Через кассету. Он назвал меня по имени.

Вова затушил сигарету. — И что он сказал? — Что я открыл дверь. В восемьдесят шестом.

Вова долго молчал. — Это тот год, когда ты... — он не договорил. — Когда ты к врачам попал.

Я кивнул. — Вова, — сказал я. — Я не псих. Ты же слышишь, что я не придумываю.

— Я слышу, что тебе хреново. — Он посмотрел на меня. В его глазах не было страха. Только тяжелая тоска. — И я вижу, что ты не врешь.

Он помолчал. — Ладно, — сказал он. — Если этот голос скажет тебе прыгнуть с крыши — ты мне скажи. Я тебя держу.

Мы сидели под дождем, пока не промокли. А потом пошли домой. В нашу комнату 214.

Вова ушел в душ, громко насвистывая. Я остался один.

Я подошел к своей кровати.

На сером шерстяном одеяле сидел мальчик.

Тот самый. Из магазина.

Он сидел, поджав ноги, и смотрел на меня своими белыми, слепыми глазами. На его груди алел флажок октябрёнка.

— Ты забыл закрыть, — сказал он. Голос был металлическим, но в нем не было угрозы. Только бесконечная усталость. — Мы ждем.

Вова вышел из ванной, вытирая голову полотенцем.

Он замер. Полотенце выпало из рук.

Мальчик перевел свои белые глаза на Вову. Посмотрел сквозь него. Потом снова на меня.

— Не бойся, — сказал он мне. — Мы не сделаем тебе больно. Мы просто хотим домой.

Он поднял руку. Медленно, рывками. И указал на мой внутренний карман куртки, висящей на спинке стула.

— Не включай, — сказал он. — Но ты включишь.

Свет в комнате мигнул. Раз. Другой. Лампочка под потолком лопнула, осыпав ковер стеклянной крошкой. Когда свет снова загорелся, мальчика не было. Только на сером одеяле осталось темное, влажное пятно. Пахло озоном и мокрой землей. Вова стоял в дверях ванной. Белый, как кафельная плитка. Зубы стучали. — Что... что это было?

Я не ответил. Я подошел к куртке. Сунул руку в карман. Пальцы наткнулись на холодный пластик. Там лежала кассета. Без коробки. С помятой наклейкой.

На наклейке было написано от руки, тем же синим маркером:

"Сектор Гамма. Не включай".

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.